

ВСТУПЛЕНИЕ. ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ

Здравствуйте! Меня зовут Мишка. Мишка Воробьев из второго подъезда. У нас во дворе меня все-все знают. И мне уже десять лет исполнилось — скоро в армию. Правда, я пока не решил, кем хочу стать, танкистом или моряком. А может, я в университет пойду и буду учиться на инженера. А может, я в такое училище поступлю, в котором космонавтов готовят. В общем, не знаю еще. У меня на мои мечты сил не осталось. Я все силы на летние каникулы потратил. А как это было, я вам сейчас расскажу.

Сначала мы с Вовкой хотели эксперименты проводить. И для этого дела даже спички с порохом припасли. Немного, конечно. Но столько, чтобы впечатлений хватило на весь год. А мама нашла наши припасы, и вечером был семейный совет. Папа сказал, что я вконец разболтался. И поэтому они, родители, решили отправить меня на воспитание в летний лагерь.

Ничего не поделаешь: папа сказал — как отрезал. И в середине лета я отправился отдыхать на побережье моря. Так и полетели мои деньки далеко-далеко от дома.

Наш летний лагерь назывался «Бирюза», а отряд — «Оба-на». И девиз наш был такой: «Мы не птахи, не шпана, мы ребята Оба-на!»

Отряд у нас был большой, целый автобус таких же, как я, разболтанных. Но болтались мы недолго. И наш отряд быстро перевоспитали строгие вожатые. Они поднимали и усыпляли нас под горн. У них вообще все дни были расписаны. Поэтому времени баловаться совсем не оставалось.

Сначала подъем, потом утренняя зарядка. Перед зарядкой мы пробегали разминочный круг или прятались от вожатых за углом. Затем мы шли в свой корпус, где умывались, брызгались и немного шалили. Потом отправлялись на завтрак, и нам давали стакан сока.

И после завтрака — на море. Оно было все в медузах, но купаться можно. Они не опасные для человека. Щиплются только, как крапива, и костей у них нет. Они из желе сделанные и скользкие, как кисель. Очень странные животные! Но я их не боюсь, они меня не обижали. А еще медузы древние, как динозавры, и без глаз, я про них потом книжку читал. И еще там было написано, что медузы растут очень быстро, потому что прожорливые слишком. Вы потом тоже про них почитайте, вам понравится.

На море мы резвились, играли в футбол или просто валялись на песке. Потом нас отправляли переодеться, и мы шли на обед. Брели кто откуда, со всех корпусов, как попало. А усевшись за столы, мы хватали вилки, кружки, ложки и устраивали там-тарарам! Мы брякали и кричали: «Шайбу! Шайбу!» Ой, нет, нет, не «шайбу», конечно, а «кашу!» Бренчали ложками и вопили во все горло: «Кашу! Кашу!» А потом сметали: первое, второе и компот. Только тарелки пустые оставались, вот как все было вкусно. А после обеда начинался тихий час, и мы как будто спали, а на самом деле шалили, но не громко, чтобы вожатые не услышали. Нам просто скучно было, и не спалось что-то. Вот мы и шушукались, и хихикали еще. А потом скакали на кроватях и кричали: «Мы не галки, не щеглы, а ребята-молодцы!» И так до тех пор, пока вожатый не даст команду: «Выходим строиться на полдник!» А после полдника в столовой и игры в футбол нас ждал ужин, и там нам давали стакан сока.

Вечерами мы смотрели кино, а потом переодевались в индейцев и начинали свою охоту. Охотились мы с копьями и луками на врагов из племени апачей. Мы их хотели сварить на костре и снять скальпы. Но хитрым мальчишкам из другого отряда всегда удавалось скрыться от нас в зарослях. Правда, однажды в наши руки все-таки попался один хромой вождь. Вот только он оказался очень уж костлявый, и мы не стали его есть, а сжалились над беднягой и привели пленника в свой лагерь. Мы покормили вождя конфетами и весь вечер лечили его от разных неизлечимых болезней, прилепляя подорожники ко лбу. А когда наш пленник выздоровел, мы отпустили его обратно на волю.

Еще у нас были хозяйственные дни — это когда все ходят с метлами и тряпками. В эти дни мы наводили порядок на территории и у себя в комнатах. Тогда мы трудились очень дружно, целый день не покладая рук. Еще у нас были различные кружки, пинг-понг и много чего другого.

Ночью мы устраивали битвы на подушках, так что пух и перья летели. Понятно, что вожатым это не нравилось, и они кричали: «Хватит стоять на ушах!» А потом разгоняли всех по комнатам. Мы тут же ныряли в свои постели и, случалось, засыпали без задних ног. Но чаще, чтобы быстрее уснуть, рассказывали друг другу страшные истории — про черную-черную комнату. А чтобы было не так страшно, забирались на кровати с ногами и накидывали на головы одеяла. Рассказывали по очереди, пока не засыпали.

Так и летели дни, обгоняя друг друга. А очень скоро начался дождь, который лил как из ведра. Два дня мы сидели на веранде, смотрели на мокроту и ежились от холода. С крыши бежали ручьи, а мы дружно грусти-

ли каждый о своем: кто о ясной погоде, кто о море, а кто — о мороженом. Моя грусть была самая приятная, потому что я грустил по маме. От этой грусти у меня в груди было тепло и спокойно. И я думал, как же это здорово — вот так вот грустить, не грустя. Я даже собирался грустить так целую неделю, как вдруг — бац! — и приплыли! Вожатые объявили: «Смена ваша закончилась, так что завтра вы все разъедетесь кто куда». Я очень расстроился. Ну что это за новость — кто куда! А как же дождь, и мои друзья, и моя грусть? Это не новость, а просто гром среди ясного неба!

Утром я собрал свои вещички и в автобусе уселся у окна. Сначала я очень обрадовался тому, что скоро увижусь с мамой. Но потом мне снова стало грустно, потому что на улице стояли мои друзья и я видел, что они уже скучают по мне. Они махали мне руками и кричали: «Мишка, пока! Пока, Миш!» И я понял, что мы больше не увидимся. Я даже не знаю, когда мне было грустнее: когда я смотрел на дождь и грустил по маме или вот тогда в автобусе, когда я прощался с ребятами? А еще я думал: «Кто же приедет вместо нас? Кто теперь будет прыгать в соленое море без разрешения, плескаться, как оголтелый, а потом ловить руками жидких медуз? Небось приедут какие-нибудь непутевые ребята и будут шалить день и ночь, а вожатым мучайся».

Про себя могу сказать, что воспитываться в летнем лагере мне очень понравилось. И в следующем году я снова хочу поехать туда перевоспитываться. После приезда домой я многим рассказал, как здорово провел лето в этом году. Вот и вам рассказал. А если хотите еще историй, то перестаньте шалить, забирайтесь на кровать с ногами, накидывайте на голову одеяло и слушайте, пока сами собой не уснете.

ГЛАВА 1. РОДИНА

Я тут вот что подумал: раз вы все еще книжку читаете, значит, история вам понравилась. Ну так вы продолжайте — читайте, сколько влезет. Не отвлекайтесь. А я дальше рассказывать буду. У меня таких историй еще полно, на сто лет хватит.

Следующая история ни с того ни с сего началась два года назад. Мы тогда в гости ездили. К дедушке Ване, в город Волжский. Это рядом с Волгоградом, в двух шагах всего. Только речку перейти. И вот какая штука там приключилась. Наш дедушка Ваня оказался полным однофамильцем моего старшего брата Ваньки. Представляете? Ваньку моего зовут — Иван Воробьев. И дедушку Ваню тоже — Иван Воробьев. Это папа наш так учудил. Он Ваньку Ванькой в честь своего папы Ивана

назвал. И я, честно говоря, думал, запутаюсь, кто есть кто. Но ничего. Справился. Всех запомнил, не маленький. Мне же тогда уже восемь лет исполнилось. Но самое интересное не в этом. И даже не в том, как мы по садам за вишней лазили да в речке целыми днями купались. А самое интересное началось еще в поезде.

Мы уже второй день на нем ехали. За окном пролетали города и деревни. Колеса стучали. Брякали ложечки в пустых стаканах. И я уже очень сильно устал. Хоть мне и весело было все время на верхнюю полку залезать. А папа и Ванька устали еще больше: это они мне помогали туда забраться. А потом — спуститься. А потом снова забраться, и так весь день. Точнее, два. То вверх, то вниз. И вот мы уже к Волгограду подъезжать начали, и папа вдруг говорит: «Смотрите скорее в окно! Это одна из самых высоких статуй мира: “Родина-мать зовет!”» И мы стали смотреть. И любоваться.

Родину я очень сильно любил. Нас этому еще в школе учили. И вот я ее любил. Но никогда в жизни не видел. И не представлял, как выглядит моя Родина, которую я так сильно люблю. А тут вот она, стоит в полный рост. Очень красивая. И я сразу же полюбил ее еще сильнее. Потому что она выше моего дома и даже выше всех домов на нашей улице. Хоть она и далеко была. Километров сто от нас. А я сразу же понял, что она самая большая Родина на всем белом свете.

А когда мы погостили у дедушки Вани два денечка, он сказал: «Ребенки, собирайтесь. Сегодня едем на Мамаев курган. И возьмите курточки, там ветрено». И мы взяли с Ванькой курточки. А дедушка надел фуражку и парадный мундир. А потом мы сели в машину «Москвич-412» и поехали. А когда приехали, то оказались на площади. Дедушка взял нас за руки, и мы пошли. И сразу же начали по ступенькам подниматься. Мы медленно по ним поднимались. А ступенек было очень много. И я начал их считать, но сбился со счета. Тогда я сказал: «Тысяча!» А дедушка поправил: «Двести. Всего двести на весь курган. Двести дней обороны, двести ступеней». Дальше была аллея. И пока мы по ней шли, дедушка нам с Ванькой много всего рассказывал. Про то, как он молодой был. А еще про землянку. И про черный дым от пожаров и раскаты грома. И про то, как они фашистов били. Крепко били. Потому что это наша земля. Русская. И голос у дедушки уже не звенел, как раньше, а скрипел. И я не стал его спрашивать, что такое землянка. И Ванька не стал. Мы просто шли и молчали. Только листья на тополях шуршали и где-то гудел паровоз. А в конце аллеи мы подошли к огромному солдату. Он ногами прямо в бетон врос. И сам закаменел. А на бетоне надпись: «Стоять насмерть!» А Родина-мать все еще вдалеке стояла. Но уже не так далеко, как в поезде, уже ближе.

Потом снова начались ступеньки. И огромные стены выросли вокруг нас, как скалы. И солдаты. Но уже не в бетоне, как тот, первый. А прямо в этих стенах. А стены были серые и израненные. И лица солдат как будто кричали о том, что они дрались. Но силы были неравные, и солдаты не вернулись из боя. Только лица остались и застыли на этих стенах. А мы все шли. И стены сдвигались к нам все ближе и ближе. И я уже начал представлять, как тогда, давно было. Во время войны. С этими солдатами дрался и мой дедушка. Была зима и мороз. Он бежал по этим самым развалинам с автоматом в руках. А в небе гудели моторы и выли бомбы. Потом гремели взрывы, и снова вой и едкий дым. И день сменился на ночь. А рядом падали товарищи, прямо в грязь. И все кричали: «Вперед, к победе! Ни шагу назад!» И вот я представил такую картину. И в груди у меня что-то защемило. Я посмотрел на деду и подумал: «Хорошо, что он сейчас с нами». И сильнее жжал его руку, а он — мою.

Потом была площадь — площадь Героев. И там был пруд. А в пруду плавали красные цветы. И рядом тоже стояли солдаты. Большие и серые. И они тоже дрались, как те, на стене. А кто-то выносил раненого с поля боя. И вот они шли. Шли в смертный бой, несмотря ни на что! Несмотря на раны. И никто не отступил, никто не сдался.

В конце площади мы зашли в коридор и оказались в большом круглом зале. Это был Зал воинской славы. И там был вечный огонь. Он пылал прямо в огромной руке. А на стенах как будто флаги висели, но не настоящие. И тысячи имен на этих флагах. Это для них горел огромный факел. Чтобы им теплее было. А потом зашел караул. И солдаты громко маршировали, как часы на стене, когда все спят. А дедушка вдруг вытянулся по струнке. И сделал под козырек. А они все маршировали и не обращали на нас никакого внимания. А в руках они держали винтовки. Настоящие. Со штыками. И когда они менялись, то били прикладами по полу. Грохот стоял — будь здоров. А потом они снова маршировали, но уже наверх, и было слышно, как где-то под потолком играет музыка. Очень тихо и очень печально. Как будто кто-то плачет. У меня прямо защемотало в горле, и я тоже чуть не заплакал. Оттого, какая она была жалостливая, и оттого, как громко марширует смена караула. А они все маршировали, высоко поднимая ногу и оттягивая носок вперед. Получалось очень красиво, ровно и волнительно. А наверху они снова поменялись, и смена ушла. И мы тоже пошли. Выше. Теперь уже к самой Родине.

Оставалось пройти совсем немного. Но дедушка не спешил. Он, наоборот, стал идти медленнее. Наверное, сильно устал. Потом подул очень сильный ветер. И было зябко даже в курточке. Но дедушка его не замечал. Он

останавливался у плит на земле и читал их. И что-то им рассказывал, но не вслух. У него только губы дрожали. И глаза были мокрые, наверное, от ветра.

Когда мы наконец-то дошли до Родины, у меня не хватило шеи, чтобы ее посмотреть. А посмотреть хотелось. Всю. С головы до ног. Она оказалась такая огромная! Даже больше, чем я представлял. Больше, чем я мог подумать. Просто до небес. А на гору ее поставили, чтобы она могла с Богом говорить. Ей до Него рукой подать. И сказать есть что. И попросить. Не для себя, для нас. Для людей. Она много чего видела и пережила. Ведь она же Родина-мать.

А потом я посмотрел на город. И на Волгу. Было очень красиво. И я запомнил их на всю жизнь. А еще мне совсем не хотелось уходить. Но деда сказал: «Пора». А я сказал: «Подожди минуточку». И подошел к Родине, и сказал ей шепотом: «Родина, милая. Попроси у Бога. Пусть он сделает так, чтобы на земле больше никогда не случилось войны».

ГЛАВА 2. УХА

Мы после встречи с Родиной уже целую вечность гостили у дедушки. Три дня, не меньше. И все это время папа с дедушкой что-нибудь ремонтировали. Они то крыльцо чинили, то крышу у дома, то просто мусорили стружкой во дворе. Поэтому им не до нас было. А мы с братом просто маялись от безделья. У нас не было ни одной идеи, чем бы заняться. И я все думал: «Вот если бы у нас спички были и порох, тогда другое дело. Ванька бы тогда точно что-нибудь выдумал. Может, летательный аппарат, а может, еще что. Он у меня в этом деле мастер — выдумывать всякие штуки». А без пороха нам было ужасно скучно. Хоть волком вой.

Но я не выл. Я валялся под яблоней и играл с жуком, подталкивая его соломинкой. А Ванька стоял руки в брюки и ковырял землю ногой. Наверное, червяков искал. И вот в это самое время к нам деда подошел. Подошел и сказал: «Ну что вы путаетесь под ногами. Ползаете туда-сюда, как сонные мухи. Возьмите лучше удочки и сходите на речку». И я прямо подпрыгнул на месте. И крикнул: «Ура-а-а!» И Ванька тоже подпрыгнул. И тоже крикнул: «Вот это дело! Вот это я понимаю!» А я тогда еще подумал: «Нам с такой идеей никакого пороха не надо». В общем, мы очень обрадовались. Собрались за одну минуту и пошли рыбачить. Там от дедова двора до Ахтубы — рукой подать. И мы быстро пришли. А когда притопали, то стали место для рыбалки выбирать поудобнее. Ну и выбрали.

Местечко оказалось просто загляденье! С одной стороны песок. Настоящий морской пляж — валяйся, сколько влезет. А с другой — до самой воды деревья росли. Мы еще потом по ним ползали, как обезьяны. Но сначала мы все-таки рыбачили.

И клев у нас был — что надо! Только успевай забрасывать. Я, главное, удочку закину, удилице на рогатину положу, а рыба уже тут как тут. И мой поплавок, будто заводной, скачет, а то и вовсе утонет. Я удочку — хват, подсекаю, значит, а на крючке уже нет ничего. Ушла восояси. Ни хвоста, ни чешуи. И когда она только все успевает? А Ванька кричит: «Ну что ты как сонная тетеря! Тут резко нужно!» И я уже резко подсекаю, а рыба все равно хитрее.

И вот мы уже полдня рыбачили. И уже довольно много наловили. На двоих три уклеи. Можно было даже уху варить. Хоть ведро. Только мы его не взяли. Торопились очень. К тому же нам не хотелось с супом возиться. И мы наш улов коту отдали, вечером, когда домой вернулись. Дедушкин кот был только рад такому угощению. Еще у нас хлеб для прикормки был. И мы им сами перекусили, проголодались сильно. Было очень вкусно. Я такого аппетитного хлеба никогда не ел, ни разу в жизни. А еще мы весь день на солнце просидели, и нам очень жарко сделалось. Не Волжский, а пустыня Сахара какая-то. Вот мы и решили искупаться.

Там, где мы только что удили, — мелко, а вода, как оказалось, очень теплая. Прямо не вода, а парное молоко. Я, пока рыбачил, успел ногами температуру померить. В общем, скрутили мы наши удочки и отложили их подальше. Потом сняли штаны с майками, побросали их на песок. И, не раздумывая, в речку побежали, как оголтелые. Соревнуясь, кто быстрее до воды. Потом мы купались, плескались и ныряли, как рыбы. Пока вконец не выдохлись. А когда из воды выходили, то громко фыркали и отдувались, как моржи. Было очень похоже.

На берегу оказалось, что песок под ногами сильно горячий — кипятком просто! И мы представляли, что идем по раскаленным углям. А пробравшись к одежде на цыпочках и немного обсохнув, мы расщеперились на песке. И мы так долго загорали, растопырив руки и ноги в разные стороны, как звезды. Ну а когда мы отдохнули и вдоволь навалялись, то решили на ближайший дуб забраться. Закарабкаться и поползть там как следует. Вдруг там гнездо или еще что интересное? Но когда мы забрались на дерево, то никакого гнезда не нашли. Там только орехи росли — горькие, без запаха, абсолютно несъедобные. Просто бесполезная вещь какая-то, желуди называются. В общем, мы в соловья-разбойника играть начали. Качались на ветках, гикали и кричали хриплым голосом: «Эге-гей! Выходи на бой! Будем свистом мериться!» А потом свистели — кто громче. Так

мы, наверное, час играли, пока к нам местные ребята не подошли.

ГЛАВА 3. ШПАНА

Ребят было трое. Руки в брюки, кепки на бок. С виду — выпитая шпана. Они, видимо, мимо шли и нас услышали. «Вы чего тут орете?» — спросил один из них. Его Шуриком звали, но мы пока что не знали. Мы потом познакомились. Он в компании самый старший был. Пятиклассник. Точнее, он только еще перешел в пятый класс, как мой Ванька, но пока там не учился. Каникулы же на дворе, а в каникулы никто не учится! «Да! Чего расшvistелись? Застряли, что ли?» — спросил другой, самый маленький. Это Федька, малышня совсем. Ему семь лет всего. А мой Ванька сказал: «Да нет! Не

застряли. Мы тут рыбачили просто». А Шурик спросил: «Ну и как там, на дереве? Клюет?» И они стали смеяться над нами. Только и было слышно: «Ха-ха-ха! Ой, умора! Сейчас животики надорвем, рыбачат они. Сидят на дереве, как две вороны, и рыбачат!» А я обиделся немного, что они такие непонятливые, и сказал: «Ничего смешного! Мы сначала рыбачили, а потом купались. Теперь вот шалим. И нечего тут!» А третий спросил: «Может, вам всыпать? Чтобы не шалили на нашем месте». Это Андрюшка был. Он, как я, во второй класс перешел. И мы с ним сдружились потом, просто не разлей вода. А мой Ванька ответил: «Никакое оно не ваше. Это общее место. Государственное». А я не знал, что такое — государственное. Поэтому просто сказал: «Да!» После этих слов Шурик покраснел, как помидор, и закричал: «Еще как наше! Мы всю жизнь тут в речку ныряем». А мой Ванька ему ответил: «Скажешь тоже — ныряем. Тут же мель кругом». И я подтвердил: «Ага, мелко

тут. По пояс всего». «А вот и не мелко! Я вам сейчас докажу!» — кричал Шурик. И мы еще с дерева слезть не успели, а он уже начал раздеваться. Он как-то быстро сандалии стряхнул и одной левой штаны стянул. Сразу же было видно, что он парень не промах и что он нам сейчас докажет. В реку Шурик вошел очень серьезно и тут же начал показывать, какая там глубина. Сделал шаг — и уже по колено было. Еще два — по пояс. Потом глядим, а он уже и вовсе плывет. Там и правда очень глубоко оказалось. Помню, я еще тогда подумал: «Вот как бывает. Купаешься, плещешься, как дельфин на море, и ничего себе не думаешь. А в двух шагах огромная глубина. Настоящая бездонная пропасть. Метра два, не меньше. Такую только на подводной лодке изучить можно». А потом Шурик крикнул: «Гляди! Фома неверующий», — и солдатиком на дно пошел, а руки вверх поднял. Вот какой парень, ему и море по колено. Только мы, если честно, не поняли, кому он сказал-то, и все стали глядеть. И он долго на дно шел, полчаса, кажется. А потом вдруг замер, и только руки торчать остались. По локоть где-то. И тут Андрюшка вмешался: «Ну что? Съели? Говорят вам — это наше место. И дерево тоже наше. Мы все тут знаем». И я подумал: «А не пора ли этому Андрюшке-всезнайке шею намылить?» А Ванька сказал: «Все равно не ваше, а общественное». А я не мог вспомнить, что такое — общественное. Поэтому просто сказал: «Да!» И тут ко мне Федька подошел, близко совсем. И спросил: «Мальчик, а как тебя зовут?» И я сказал, что зовут меня Миша, а моего старшего брата Ваньку — Ванькой. А Федька сказал, что его зовут Федей и что он до сих пор не умеет плавать. И тогда мы все перезнакомились. И стали купаться вместе. А потом Андрей показал, как нужно прыгать с ветки того самого дуба прямо в воду. И мы все стали нырять с дерева. Кто солдатиком, кто ласточкой, а я бомбочкой. Так брызг больше. А когда все на берег выходили, то каждый громко фыркал и отдувался, как морж. Было очень похоже, и весело всем было. Кроме Федьки. Он сидел на берегу, строил замок из песка и все время вздыхал. Тогда я подошел к своему Ваньке и сказал: «Вань, а Вань. Научи Федьку плавать, как меня научил». А он сказал: «Какой разговор! Пусть готовится. Сейчас и приступим». А Федька давно уже готов был, может, даже с утра. И он, как стрела, полетел к нам, когда Ванька крикнул: «Давай к нам, мелочь пузатая! Буду учить тебя плавать по-собачьи!»

Мой Ванька — инструктор что надо. Он в прошлом году и меня плавать учил, и еще кучу мальчишек. И я теперь всяко-разно могу: хоть по-морскому, хоть по-собачьи, а то и вовсе на спинке. И Федька быстро научился. Вечером он уже мог хоть метр проплыть, хоть два. Они заходили в воду, где Феде по грудь было. И Федя

начинал плыть к берегу, а Ванька его снизу рукой поддерживал. Федя барахтался руками и колошматил ногами. А Ваня ему командовал: «Голову выше! Ноги прямее! Ладочки чашечкой!» А на следующий день Федя уже сам учился. Он заходил туда же, где ему вчера по грудь было, и начинал плыть к берегу, а Ванька только присматривал.

ГЛАВА 4. НОВЫЕ ЗАТЕИ

В общем, мы больше не путались под ногами у взрослых. Не стонали и не скрипели, что нам скучно. Мы здорово сдружились с ребятами и весело проводили каникулы на речке, а папа с дедой разбрасывали стружку во дворе. И все были просто счастливы.

А когда деда узнал, где мы целыми днями пропадем, то с радостью подкинул нам еще одну затею. Он сказал, что очень давно, еще в детстве, купался на том же месте, где и мы. Оказывается, мой дедушка Ваня тоже когда-то маленьким мальчиком был. Прямо как мы с Ванькой. Представляете? Мне, если честно, с трудом в это верится. Но Ванька сказал: «Да. Такое бывает. Мы тоже вырастем и станем дедушками». А я пожал плечами и сказал: «Ну, не знаю. Не думаю. Я вообще-то летчиком хочу стать». Потом деда приволок нам обрывок толстой веревки из сарая. «Вот, держите, — говорит и подает его Ваньке. — Тарзанку сделаем». И мы, не раздумывая, побежали на наше любимое место делать тарзанку. На то самое место, к дереву, с которого в воду прыгали. Правда, я тогда еще не знал, что именно мы будем делать. Но это ничего, скоро сам все испытал.

Тарзанка у нас вышла отличная. Просто высший пилотаж. И теперь мы только с нее и ныряли. С утра до позднего вечера. Все ныряли. То по очереди, то — как попало. Даже Федька не отставал. Он к тому времени плавать научился — будь здоров! И нам всем очень весело было от того, какую мы штукину смастерили.

А чуть погода мы на нашем дереве настоящий дом построили. Крепкий, надежный — из картонных коробок. Насобирали разных досок по берегу, принесли молоток с гвоздями и сколотили пол. А потом приволокли кучу коробок и сделали стены, с окнами. Ну и крышу еще, правда, дырявую, потому что коробок не хватило. Получилось очень красиво и тепло.

И вот мы напрыгаемся с нашей тарзанки, наплаваемся вдоволь и отдыхать в домик карабкаемся. Там развалимся на полу и облаками сквозь крышу любуемся. Они такие белые были, легкие и никуда не торопились. Мне даже иногда казалось, будто они, проплывая

мимо нашего дерева, нарочно останавливались и тоже наблюдали за нами.

А потом, когда отпуск у папы закончился и пришло время уезжать, всем вдруг стало очень грустно. Прямо хоть плачь. И у меня от такой обстановочки в горле как-то паршиво делалось. Слово не выговоришь. Видимо, это случилось со мной оттого, что я не хотел расставаться с нашим местом. И с речкой, и с песком, и с белыми облаками. А еще больше всего на свете мне не хотелось прощаться с дедушкой и ребятами. Я их очень полюбил. Как родных. И, кажется, у меня глаза сделались немножко мокрыми. Но я не плакал, потому что будущие летчики не плачут.

ГЛАВА 5. ДО СВАДЬБЫ ЗАЖИВЕТ

Мы когда домой приехали, я еще немножко погрузился. Потому что такой речки, как у дедушки, нигде больше нет. И деревьев тоже. И облаков еще. Там облака другие, не как у нас, они там пушистее, что ли... Я такие даже нарисовать не смогу.

И вот я погрузился денек, а потом грустить было некогда: мы полдня в футбол гоняли. И у нас там важный матч состоялся между «Динамо» и «Спартаком». И если честно, то мы продули. Продули с треском. Со счетом четырнадцать — тридцать. А следующий день должен был состояться второй матч, только уже супер-пупер. Это значит — важнее. Важнее, чем вчера. То был просто матч, а в этот раз — матч за кубок страны, и мы должны были победить. Потому что я тогда новые гольфы надел. А еще я новую проводку выучил. И вратаря мы с Вовкой решили поменять. Потому что Семен — это не вратарь, а решето. И мы решили его в полузащитники перевести. Играет-то он, конечно, еще хуже, чем на воротах стоит. Неуклюжий он и неповоротливый. Но это не страшно. Пусть на поле Семен — как пингвин, зато он ноги нападающим так оттопчет, что ни один из них по воротам попасть не сможет. Мазать начнут так, как будто мяча никогда не видели. Вот такая стратегия. В общем, дело было в шляпе.

Ну, и вышел я со двора, а мяч перед собой веду. Глянул в сторону — нá тебе! Вся моя футбольная команда «Динамо»: Вовка и Семен. На заборе сидят. И «Спартак» тоже тут, рядышком: Андрюшка, Леха и Шурик. Сидят, ничего себе! Как будто сейчас общую фотографию делать будут. Прямо как в школе. Там нас тоже по линейке выстраивают.

В школе общая фотография — это целая история. А начинается все с того, что наша учитель Лариса Сергеевна делает объявление: «Ребята! Завтра к нам

в школу придет фотограф. И мы будем делать общую фотографию. Поэтому вы должны прийти празднично одетые, расчесанные и умытые! Всем все ясно?!» И мы дружно кричим: «Да! Да-а-а!» А на следующий день приходим, как и положено, нарядные, умытые и расчесанные. И даже полдня ведем себя пайныками. Потому что у всех красивые лица и прически. А потом приходит фотограф. И тех, чьи лица попримечнее, сажают в первый ряд на стульчики. А двоечники и у кого рост, как у каланчи, встают во второй. Потом фотограф ставит свой аппарат на три ноги и дает команду: «Левее! Правее! Кучнее, товарищи! Замерли! Сейчас вылетит птичка!» Понятно, что никакая птичка не вылетит. Фотограф специально так говорит, чтобы никто на потолок или в окно не смотрел. И чтобы на лицах у всех был полный порядок. А на деле аппаратом «чик-чик» — и будь здоров. Спасибо за внимание! А уж после этих слов мы все вздохнем с облегчением. Потому что этикет нам больше ни к чему. И мы уж как следует извозимся. Постараемся на славу — за всех ручаюсь! А еще девочкам банты выдернем да косы подправим — и наутек. Уж им не догнать. И всю перемену будем по этажам гонять до седьмого пота. А потом еще пуговицу с мясом из пиджака кому-нибудь вырвем, без этого тоже никак.

Что-то я отвлекся совсем. Выхожу я, значит, со двора. Подхожу к своим ребятам и кричу: «Здоров, народ! Чего расселись, как воробьи на ветке? Айда уже на поле! Как-никак супер-пупер-матч за кубок страны намечается». А они как давай вопить: «Мишка, тикай! Мишка, к нам залазь! Тут такое!» — и руками машут, кто в лес, кто по дрова. Я, если честно, так и не понял: мне к ним залезать или от них тикать. И я никуда не побежал, да и не полез. Я на месте остался. А зря! Как оказалось, их туда злая собака загнала. Незнакомой миру породы. И не успел я сообразить, что к чему, а этот «дворовый вездез» рядом со мной уже стоит. Огромная черная псина, уши драные, лицо мохнатое, зубищи свои скалит и на мой новенький мяч смотрит. А когда псина рычать начала, я сразу же догадался, что она не в футбол играть пришла. Но поздно понял. Она мой мяч хватъ — и давай его телепать из стороны в сторону. И понятное дело, что прокусила, только и слышно было: «Тсс...» И мой мяч стал похож на калошу. Ох, я тогда разозлился — держите меня семеро! И схватил свою калошу и потащил ее на себя. А псина не собирается отдавать мой мяч, а только рычит и тащит его в другую сторону. И вот мячик совсем уже сдулся и превратился из калоши в подошву. Тогда я как топну и как закричу: «Фу, я сказал!» Тут-то псина наконец смекнула, кто здесь главный, и сразу же отпрыгнула в сторону. Струсила, значит, как заяц. Только после она снова подпрыгнула и тяпнула меня. Схватила прямо

за ногу и насквозь ее прокусила. Представляете? Как компостер трамвайный билетик — чик! Я даже пикнуть не успел.

Что тут началось! Крик, слезы, я падаю на землю! Псина наутек, а ребята спрыгнули с забора — и ко мне. И все давай меня спасать. Кто как может. Все кричат: «Покажи! Мишка, покажи! Где болит? А? Где? Тут или тут? А где больнее? Ух ты, кровь!» А болит у меня — будь здоров! Весь организм болит! И я подошву-то свою давно уже оставил, а вместо нее схватился за свой «билетик». То есть сдутый мяч бросил, а укушенную ногу схватил. И машу им, то есть ей. И ору, как положено! А слез уже столько, что хоть выжимай. Тут Вовка говорит: «Без паники! Я знаю, что нужно делать! Нужно подорожник приложить». И все рассыпались в разные стороны искать подорожники. И нашли. Каждый — по пять штук. А Вовка сказал: «Слишком много. На его-то костыль и двух хватит!» Потом он присел к моей ноге и спросил: «Готов?» А я кивнул головой и сказал: «Ага! Нет, не готов!» Но Вовка сказал: «Не дрейфь!» — и все равно стянул рваный гольф. Тогда я застонал для приличия: «А-а-а. М-м-м...» А ребята тут же с вопросами: «Ну как? Что? А? Насквозь или так?» Вовка сказал: «Ничего. Жить можно!» А потом добавил: «Кость не задела». Тогда Семен говорит: «Ты лучше смотри! Чтобы она там ничего лишнего не откусила». Вовка еще раз посмотрел, а потом взял два листочка и поплевал на них

как следует. Это для дезинфекции, каждый знает. Потом он обтер подорожники о футболку и прилепил их к моим ранам. А напялив гольф обратно, Вовка сказал: «Ну все! До свадьбы доживет!» Или он сказал, что до свадьбы заживет? Я, если честно, плохо помню. Помню только, подумал: «Хотелось бы пораньше. Вдруг я еще долго не женюсь?» А ребята вокруг с облегчением выдохнули: «Ну, слава богу! Обошлось». «Но от футбола придется воздержаться», — добавил Вовка. А кто-то из ребят предложил: «Надо бы к доктору: вдруг у него теперь бешенство?» Вовка почесал затылок и сказал: «Не исключено. Собака неизвестной породы. Тут всякое может случиться». И ребята подхватили меня под мышки и помогли подняться. И мы всей гурьбой пошли в больницу. С бешенством ведь не шутят!

Я всю дорогу хромал, а Вовка подставлял мне свое плечо, чтобы я на него навалиться мог. И я наваливался. А со стороны получалось, как будто я сильно раненый: гольф в крови, я хромаю, а Вовка, значит, с поля боя меня выносит. Настоящий друг, с таким не пропадешь! Так мы до больницы доковыляли. И там меня подлечили уже как положено. Йодом помазали, а потом забинтовали. И стало еще больше похоже, что у меня ранение. А напоследок мне даже укол сделали. Настоящий, от бешенства — противостолбнячная сыворотка называется. Видимо, чтобы я случайно на людей кидаться не начал.

Продолжение следует.

